

ДЛЯ НАС ОН НЕУГАСИМЫЙ СВЕТОЧ

ЕВРОПЕЙСКИ и всесторонне образованный, филигранно воспитанный интеллигент Николай Федорович Катанов не исчерпаем не только как ученый, но и как человек. К сожалению, прожил мало. Родившись 19 мая 1862 года в Хакасии, умер 10 марта 1922 года в Татарстане. Он скончался, не дожив, как пишут биографы, до своего 60-летия немногим более двух месяцев. А перед последней унесшей его болезнью он перенес удар: отказала правая сторона тела. Иммунитет, несомненно, был подорван, ослабленный организм не перенес атаки нового заболевания. Вероятно, в 20-е годы XX века средний возраст мужчин и ограничивался 60 годами. Но если учесть, что Николаю Федоровичу были отпущены матерью-природой могучие силы и выносливость (иначе он не создал бы трудов нового направления в науке, и в огромном количестве), то приходится признать, что его уход в царство предков был преждевременным. Это произошло из-за стечения неблагоприятных социальных обстоятельств: нищеты, голода, простуды, физического переутомления. Мы хорошо знаем, что ученым давали спецпайки для спасения от голода, а ему новая власть отказала в пайке из-за того, что революции, сопровождавшейся жестокостями к людям, он не принял.

Ему много приходилось работать на огороде, расположенном в 5 километрах от дома, так как жить без своих овощей, как и нам сегодня, было невозможно.

Каким же еще человеком был этот titan науки, энциклопедист? Я бы назвала его Махатмой (Великой Душой). Нет сомнения в том, что он был не простой человек. Он был, считаю, особым посланцем Неба, достигшим в жестоких условиях жизни в нашей родной России самых высоких вершин в науке, сохранив свою великую душу, не ожесточившись и оставшись со своей великой добротой к людям независимо от их социального положения. Роскошные свидетельства тому — воспоминания друзей, учеников, современников и его единственной дочери Анны Николаевны.

Человеколюбие и простота его уникальны. Они начинались, в первую очередь, от любви к детям. "Он любил детей нежно, глубоко, заботливо, и дети, чувствуя это, лynuли к нему", — вспоминала его дочь. К детям он не ходил без подарков, без коробок. "Цельными часами он мог сидеть с ними, что-нибудь им показывая, рассказывая, рисуя. Я не помню случая, чтобы отец когда-нибудь, даже во время занятий, сказал мне, что я мешаю, и удалил от себя", — пишет Анна Николаевна. Дети вообще были его слабостью. Это при его-то занятости. Она рассказывает случай, как Николай Федорович отучил от воровства одного мальчика-подростка, при-

ехавшего учиться в город и по выходным дням посещавшего семью ученого. После его посещения обнаружили исчезновение денег. Узнав об этом, Николай Федорович увел мальчика к себе в кабинет и наедине так тепло и задушевно поговорил с ним, что тот искренне расплакался и перестал воровать", — читаем рассказ дочери.

А как он умел внимательно, заботливо выбирать подарки, не просто потратить деньги, а по-настоящему доставить радость адресату. Это при том, что он с детства приучил себя к экономной трате денег на себя.

Николай Федорович был доступен для всех, кто в нем нуждался. Его дом был открыт для любого человека, начиная от сторожа, извозчика, трудяг земли, прислуги, мелких служащих, как пишет его дочь Анна. Он был на редкость гостеприимным и никого не отпущал, не угостив чаем, не обласкав добрыми словами и тем самым, не вселив надежды на жизнь. И сам по выходным дням не отказывался зайти в дом простых людей, где вел беседы, которыми они наслаждались. Завершались эти встречи чаепитием, за что он щедро благодарил и в свою очередь приглашал к себе. Но не только простой люд шел к ученому. Анна Николаевна вот что пишет: "В нашу скромную квартиру непрерывной и пестрой вереницей приходили люди самых разнообразных общественных положений, профессий, национальностей, взглядов, возрастов, образовательного уровня — от губернатора до уличного маньжуря, торговца бумажными абажурами, от европейского ученого до сапожника Хайруллы из подвала соседнего дома (Хайрулла был любителем восточной письменности и за чаем, которым угощал

его отец, толковал о книгах)... Особенно много бывало у нас посетителей различных национальностей: монголы, буряты, китайцы, японцы, болгары, сербы, финны, турки, иностранцы-путешественники из Западной Европы, не говоря уже о представителях местных народностей — татары, кряшены, чуваша, марийцы. Все это создавало какую-то особенную интернациональную в лучшем смысле этого слова атмосферу в доме, где не могло быть места никакой национальной исключительности. Сам человек нации, "инородец", Николай Федорович всегда очень внимательно и тепло относился к представителям любой национальности".

О его популярности в народе говорит выражение "переулоч Катанова".

Так стихийно назван переулоч, где он жил. Скромность ученого в быту удивительна. Очень аккуратный, он всегда содержал в полном порядке свой рабочий стол, шкафы, сам за собой убирал все. Никакую мужскую работу не перекладывал на женские плечи. Колол, рубил дрова, точил ножи, строгал доски, занимался столярными делами, носил тяжести, в огороде работал, стоял в очереди.

Где находил время для научной работы? У него все минуты были на учете. Например, пришел домой обедать, а обед запаздывает. Обычный мужчина, устроив скандал, хлопнет дверью. А Николай Федорович сядет на краешек стола и будет работать. Писать, делать выписки, думать все эти 10 — 15 минут, пока дойдет еда. В очередях также работал, как мог.

Ему очень помогал в жизни неистощимый юмор. Пишут, что он шутил "с невозмутимо серьезным видом". А какое редкое имел самообладание! Когда Н.Ф. Катанова прооперировали от тяжелого плеврита, для поддержки организма подали ему вино. Он же отказался, сославшись на то, что он "член общества трезвости".

Смерть Николая Федоровича нанесла тяжелый удар не только семье, но всему научному миру. Из Хельсинки, например, профессор В.Андерсен писал: "Из всех печальных вестей, какие я мог ожидать из Казани, вестей о смерти Николая Федоровича была самой печальной. Через все годы моей жизни в Казани светлой линией тянутся мои воспоминания о Николае Федоровиче".

Учтивость, добропорядочность, неизменное чувство благодарности к людям, которые чем-либо его когда-то поддержали, никогда ему не изменяли. Видимо, из всей этой его высочайшей сущности вытекло и его отношение к науке, научному труду как служению святому делу. Все его труды — это образец научной этики, которая является одной из привлекательных и зна-

чимых граней личности и творчества великого ученого. Его требования к людям науки по части научной этики строги и даже, я бы сказала, беспощадны к тем, кто приходит и работает в науке не ради истины и добычи подлинных, объективных знаний, а ради корысти и каких-то других личных интересов. В основе его научной этики видится непреклонность научной истины. Николай Федорович считал, что истину ученый должен отстаивать перед кем бы то ни было, невзирая на авторитеты. Переписывать чужие работы без ссылки на автора, без их закавычивания, ловчить — это недопустимые действия. Трудиться честно, самому добывая "руды" в научных поисках — вот его идеалы, которым должен служить каждый, кто прикасается к научной деятельности. По-видимому, особенно важен этот вопрос в наше время, когда научный труд становится чуть ли не массовым, причем в науку идут подчас люди, не имеющие никакого понятия о научной этике.

Самому Николаю Федоровичу Катанову было присуще именно трепетное, священное отношение к науке. Хотелось бы, чтобы его пример хоть в какой-то мере послужил залогом для проникновения в сферу научной деятельности людей, далеких от ее интересов.

В громадный и фундаментальный труд "Опыт исследования урянхайского языка" (1580 страниц) он вполне вложил не только невиданные знания по лингвистике, показав язык этот как один из тюркских (а не самоедский, не финский, не монгольский), но и страсть великого ученого и его представления о научной этике. Отдельная книга — "Приложение" к этому труду — содержит такие критические заметки в адрес даже именитых иностранных и отечественных ученых, что, возможно, он поплатился за это тем, что за "достойный докторской ученой степени труд присуждения такой степени не получил. Но докторскую степень ему присудили быстро — уже через четыре года без защиты, но за книгу "Образцы народной литературы тюркских племен", ч. IX. Думаю, ученые, оценивавшие его труды, постарались поскорее это сделать — в них жила необходимая человеческая совесть.

Для нас же, его земляков и продолжателей дела, которому служил великий ученый, он неугасимый светоч.

*Валентина МАЙНОГАШЕВА,
кандидат филологических наук,
заведующая сектором
фольклора ХаКНИИЯЛИ,
лауреат Государственной премии
Республики Хакасия
и.м. Н.Ф. Катанова, заслуженный
деятель науки Республики Хакасия*